

УДК 801.337.23

**Педагогическая «прецедент-технология»
(на примере топоса «Петербург» в современном
социально-культурном дискурсе)**

Иванова Галина Александровна

Кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Санкт-Петербургский институт (филиал),
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции»,
199178, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Васильевский остров, 10-я линия, д. 19А;
e-mail: ga_iv@mail.ru

Аннотация

В статье заявлена и описана оригинальная «прецедент-технология» как коммуникативно-гуманитарная педагогическая технология высшего образования, позволяющая соотносить личностные запросы и смыслы обучаемых с социально-культурными запросами и образовательным заказом на основе прецедентов. Учебные прецеденты – это средства культурной идентичности, топосы и концепты культурной памяти, актуализирующие внутренний конфликт как средство саморазвития и самосозидания личности. В качестве лингвокультурологического материала в статье проанализированы прецедентные имена, содержащие определения «петербургский», «ленинградский», «питерский». Мифологизация события в культуре представлена механизмами перехода «профанное – сакральное».

Ключевые слова

Прецедент-технология, прецедент, этическая дилемма, интерактивная коммуникация, социально-культурный дискурс, профанное, сакральное.

Для цитирования в научных исследованиях

Иванова Г.А. Педагогическая «прецедент-технология» (на примере топоса «Петербург» в современном социально-культурном дискурсе) // Педагогический журнал. 2015. № 4-5. С. 30-50.

Введение

Предметом исследования является «прецедент-технология» как коммуникативно-гуманитарная педагогическая технология высшего образования, позволяющая соотносить личностные запросы и смыслы обучаемых с социально-культурными запросами и образовательным заказом на основе прецедентов¹.

Цель статьи – на основе анализа современного петербургского социально-культурного дискурса подобрать прецедентные феномены (в частности те, которые содержат определения «петербургский», «ленинградский», «питерский») как лингвокультурологическую основу формирования коммуникативной компетенции студентов с использованием «прецедент-технологии». Выбор материала обусловлен тем, что апелляция к этим прецедентным феноменам связана с резонансными событиями в политической и социально-культурной жизни страны (государства), оставившими след в обыденном языковом сознании народа, формирующими и разрушающими культурные мифы.

«Прецедент-технология» разработана с позиций заявленного нами коммуникативно-гуманитарного подхода в моделировании образовательного процесса в гуманитарном вузе [Иванова, 2012].

1 Следует отметить, что многогранный и социально продуктивный аксиологический образ специалиста включает в себя «ценности патриотизма, коллективизма, труда, гуманизма, природы, здоровья, самоценной человеческой личности во всём многообразии ее интересов и творческих устремлений, интеллект, широкий кругозор, творческую активность, информационную грамотность и культуру, экологическое сознание, профессиональную и социальную ответственность за последствия применения технических средств, духовность и нравственность» [Артюхович, 2015, 10].

Сущностные характеристики «прецедент-технологии»

Выделим предметную основу понятия «прецедент».

В «Словаре финансовых терминов» дается следующее определение слова «прецедент»: «поведение в определенной ситуации, которое рассматривается как образец при аналогичных обстоятельствах [Финансовый словарь, www]. В «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А.Н. Чудинова указано, что слово «прецедент» имеет латинское происхождение и определяется как «предшествовавший случай, которым хотят оправдать настоящий»; в «Толковом словаре иностранных слов» Л.П. Крысина указаны две дефиниции слова «прецедент»: «случай, служащий примером, оправданием для последующих случаев этого же рода» и «решение суда или какого-н. другого государственного органа, вынесенное по конкретному делу и обязательное при решении аналогичных дел в последующем», причем указано, что второе определение относится к сфере юриспруденции [Словарь иностранных слов русского языка, www].

К собственно вербальным прецедентам относят прецедентное имя, прецедентное высказывание, а вербализуемыми являются прецедентный текст и прецедентная ситуация [Красных, 2003]. Анализ современного медийного текста позволил И.В. Высоцкой ввести понятия «прецедентный знак», «прецедентный жанр», «прецедентный стиль», «прецедентное изображение», «прецедентное звучание», «прецедентный образ» [Высоцкая, 2013, 119].

В коммуникации прецедентной ситуацией называется:

1) «некая эталонная ситуация ... связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которых входят в когнитивную базу; означающим прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя» [Захаренко, 1997];

2) некоторая реальная единичная ситуация, «минимизированный инвариант восприятия которой, включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и знаком практически всем социализированным представителям этого сообщества» [Гудков, 2000, 41].

В прецеденте присутствует интрига, а в публичной оценке прецедента всегда присутствует риск конфликта (внутреннего и внешнего). Основными функциями публичного социально-политического дискурса являются формирование общественного мнения и политической воли граждан, достижение общественного согласия, развитие идеосферы и политической культуры социума, поэтому присутствуют разные способы предъявления события, что обеспечивает актуальность прецедент-технологии.

Несмотря на то, что в социальном дискурсе эпохи постмодернизма проявились угрозы девальвации гуманитарно-коммуникативных сценариев саморазвития личности по модели «событие – миф – мифологема – симулякр», опираясь на бахтинскую мысль «культура творится на границе культур», отметим, что обращение нами к смеховой культуре связано с формированием противодействия такому риторическому воздействию, как суггестия (внушение). При отсутствии/неразвитости контрсуггестии (способности человека критически оценивать все то, что ему сообщается или внушается) возможно социальное и психологическое отчуждение личности, что в результате приводит к агрессии или, наоборот, депендентности – зависимости, ведомости личности [Иванова, 2014].

Примерными этапами прецедент-технологии являются следующие:

1. Докоммуникативный этап: 1) предъявление прецедента; 2) опознание (источник); 3) попытка интерпретации прецедента.

2. Интерактивно-коммуникативный этап (работа в группах или парах): 1) словарно-понятийная работа (этимология или толкование компонентов прецедента); 2) аналитический комментарий прецедента (причина появления, социально-культурный и исторический контекст, поиск аналогов и пр.); 3) онлайн-анализ Интернет-дискурса (реакция на прецедент в сети); 4) этико-правовая оценка дискурса.

3. Посткоммуникативный этап: 1) рефлексия (ценностно-смысловая оценка прецедента, его место в языковой картине мира); 2) письменное рассуждение.

В целом смыслодеятельностная основа «прецедент-технологии» включает в себя:

1) использование ситуации (прецедента) как средства актуализации, выявления духовно-нравственного конфликта самоопределяющейся личности студента;

2) провоцирование этической рефлексии как способа разрешения внутреннего (духовно-нравственного) конфликта личности;

3) соотнесение собственной позиции обучаемого с социально-культурной традицией и идентификацию себя как культурного героя;

4) нравственно-правовая оценка прецедента как показатель социализации и профессионального самоопределения (профпригодности) обучаемого, то есть устойчивости к деструктивным проявлениям.

Вербализованные прецеденты, связанные с номинативами Санкт-Петербург и Ленинград

Появление новых смыслов в языковой и концептуальной картинах мира интенсифицируется в смену эпох (смену культурных моделей), будучи результатом процессов мифологизации и демифологизации как способов культурообразования, так как жизнь культурного события ограничивается временем появления другого события. В топосах, связанных с номинативами Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, в разные периоды истории выделились самостоятельные концепты – петербургский, ленинградский, питерский: «петербургский стиль», «петербургский текст», «ленинградская блокада», «ленинградское дело», «ленинградский рок-клуб», «питерская погода». В новейшей истории актуализировалось просторечное прилагательное «питерские»: «питерская команда», «питерский десант в Кремле» «питерские юристы», «батальон Питерских юристок» и пр.

Изучением мифа как одной из моделей отражения действительности занимались многие ученые (Г. Гегель, З. Фрейд, К. Юнг, А. Лосев и др.)². В культурологическом понимании миф – это способ человеческого бытия и мироощущения, основанный на смысловом «породнении» человека с миром (Р. Барт, Ю. Борев и др.) Миф носит побудительный характер (Р. Барт), одновременно выполняя коммуникативные функции: внушает, предписывает, не скрывает коннотативные значения, а пытается подменить собой объективную систему

2 Необходимо отметить, что изучение мифов до сих пор не потеряло своей актуальности (например, см.: [Лисина, 2011]).

фактов, выступая как коммуникативная система. Многими исследователями утверждается, что сознание современного («постмодернового») массового общества агностично и мистифицировано, в нем неактуальны антитезы высокое – массовое (об искусстве), научное – обыденное (о сознании) (Г.С. Померанц и др.). Если рассматривать наблюдаемое в массовой коммуникации социальное мифотворчество как форму коммуникативного отчуждения, то можно заметить в нем «логику упрощения» и «логику усложнения» (М. Хайдеггер и др.), проявляющиеся, в частности, в профанировании и сакрализации события как ценности. По мнению О.Ф. Смазновой, термин «социальное мифотворчество» двузначен, так как указывает на два взаимосвязанных явления: на творчество социальных мифов, целенаправленное создание элементов мифосимволической системы, затрагивающей политические, социально-исторические и иные аспекты человеческой жизни, а также на социальное творчество мифов, которое социально в том смысле, что, осуществляясь в коллективном сознании, лишено черт преднамеренности и индивидуальной целенаправленности [Смазнова, www]. Можно согласиться с исследователем, что первое – это «искусственное возвращение мифа», а второе – «процесс его самопроизрастания».

Рассмотрим мифы о персонализированных новейших ньюсмейкерах, культурных героях – так называемых «питерских». Каждая эпоха рождает своих героев и антигероев, в новейшем дискурсе «миф о герое» воплотился в персоне-концепте «Путин» не только как лидере «питерской команды», но и как сакральном культурном герое мифологической картины мира и сознания народа: «защитнике», «спасителе», «освободителе» и пр.

Противоположный процесс – десакрализацию – мы наблюдаем, анализируя в коммуникативном пространстве девальвацию персоны-концепта «Собчак» – Анатолий Собчак – в унизительно-пренебрежительное «Собчачка» и «собчачка» – Ксения Собчак (в частности, Н. Михалков сказал: «Из таких Собчачек вырастают ...») [Хожателева, 2014, www].

Следующие мифы – мифы о событиях (подвигах, преступлениях и пр.) Рассмотрим одну из форм мифопорождающего коммуникативного события – скандал (от греч. «ловушка», «соблазн», «преткновение») – получивший широкое публичное освещение инцидент, связанный с заявлениями о правона-

рушениях, позорных или аморальных поступках, в частности политический скандал – «... получившее многократную разножанровую реализацию, публичное конфликтное общение вокруг события, нарушающего этические нормы, и влияющее на политическую ситуацию» [Кочкин, 2003, 8]. Политический скандал исследователи интерпретируют как политический нарратив-симулякр, поскольку он обладает «сюжетно-ролевой структурой, множественностью изложений, взаимодействием оппозиций этических ценностей и идеологий, протяженностью во времени, ангажированностью, тенденционной подачей, имеет элемент публичной дискредитации главных участников», нарушающих этические нормы, реализуется в бытовом дискурсе в жанре «разговоров о политике и слухов в оппозиции “свой-чужой”» (Е.И. Шейгал). «Обратим внимание на то, что герои мифов – заядлые скандалисты» [Шейгал, 2000, www]. В частности, мы наблюдаем подобное в номинативной цепочке питерские – питерская команда – питерские юристы – «питерские юристки» – «женский батальон питерских юристок», вызывающей и отражающей отрицательные эмоции в обществе как реакцию на разоблачения в ведомствах Министерства обороны (декабрь 2012 г.).

Развитие реакции на скандал часто проходит в форме комических жанров как воплощения народной смеховой культуры («настолько отвратительно, что серьезно говорить об этом смешно!», в частности – сведения о жизни под домашним арестом обвиняемой Т. Васильевой (миф о заточенной в башне красавице): «И вот миру явлен новый хит Васильевой. В нем поется о красных тапочках с малиновым бубончиком ... Почему же эта прозаическая домашняя обувь вдохновила томящуюся в заточении поэтессу на создание клипа? Здесь особая романтическая загадка. Говорят, что когда ранним утром 25 октября 2012 года следователи пришли на квартиру Васильевой в Молочном переулке с ордером на арест чиновницы, то первым к ним мужественно вышел в домашнем халате министр обороны Сердюков в тех самых алых тапочках» [Баранец, 2014, www].

Проходя стадию мифа, событие переходит в следующую категорию – мифологему (от др.-греч. «сказание, предание» и др.-греч. «мысль», «причина»), то есть это мифологические сюжеты, сцены, образы, характеризующиеся гло-

бальностью и универсальностью и имеющие двойственную природу как мифологический материал и почва для образования нового материала.

В нашем исследовании особое внимание уделяется эстетической функции мифологем, так как в них отработаны правила сочетания элементов и режимы овладения выразительными возможностями языковой и культурной архаики, и их этической функции, отражающей этические социокультурные идеалы и оценки эпохи.

Одна из базовых мифологем – противостояние Москвы и Санкт-Петербурга: «Стремительная статусная эволюция претендующего на первые роли нового амбициозного административного образования на самом северо-западном краю огромного государства воспринималась непростительным вызовом старой патриархальной Москве» [Синдаловский, www]. «После такого принципиального выпада Москвы начался, что называется, обмен любезностями, длящийся с переменным успехом до сих пор. Петербург обозвал Москву “большой деревней”, а москвичей – “пролетариями”. С издевательской насмешливостью москвичи воскликнули: “Что за петербуржество?” – и бросили в сторону Петербурга оскорбительное: “Аристократы”. На московском сленге идиома “петербурщина” стало выражением крайне презрительного отношения ко всему петербургскому. Северная столица не замедлила с ответом: “Отольются Москве невские слезки”. А Москва и не скрывала своего отношения к Петербургу: “При упоминании о северной столице у членов правительства меняются лица”. Петербург отвечал тем же: “По ком промахнется Москва, по тому попадет Питер”» [Там же].

Следующая мифологема, созданная филологом В.Н. Топоровым, – «петербургский текст» – основывалась на анализе художественных текстов, создававших мифологическую картину-образ Петербурга («петербургский миф»): «Устами Петербургского текста говорила Россия, и прежде всего Москва. Поражение от их встречи с Петербургом ярко отражено в Петербургском тексте, в котором трудно найти следы успокоенности и примиренности. Но не только смятенное сознание, пораженное величием и нищетой Петербурга, находилось у истоков Петербургского текста. Как повивальная бабка младенца, оно принимало на свои руки сам город с тем, чтобы позже усвоить его себе в качестве

некоего категорического императива совести. Именно поэтому через Петербургский текст говорит и сам Петербург, выступающий, следовательно, равно как объект и субъект этого текста (удел многих подлинно великих текстов)» [Топоров, www].

Предполагаем, что «петербургский текст» в современном дискурсе – это не просто сверхтекстовое образование (в дихотомии «художественное/ нехудожественное»), но культуросозидающая духовная скрепа, включающая топоры культурной памяти, а также средство культурной идентичности, консолидирующее коммуникантов.

Санкт-Петербург был инициирован императором Петром I как выражение новой идеологии – «окно в Европу». Это проявилось изначально в ансамблевой планировке города-столицы, его архитектуре, внутренней организации жизни, времяпрепровождении, моде и пр., то есть формировался особый стиль бытования в культуре – «петербургский стиль» (если Москва – купеческая, «дионисийски» хаотичная, женская, то Петербург – аристократический, «аполлонистически» регулярный, мужской). Стиль как форма и способ культурной идентификации отражает внутренний конфликт. В частности, «петербургский стиль» – это качественно новая в российской культуре европейски ориентированная городская культура. Принято считать, что признаки «петербургского» – это элегантность, продуманная небрежность, просвещенность, тонкий вкус. Но это и продуманная эклектика (от греч. *eklego* – выбирать, собирать), то есть «некий мыслительный или творческий алхимический котел, в котором варится все, что попало из всего и вся, и в результате вываривается нечто невиданное, но значимое в каких-то отношениях» [Бычков, www]. Петербург не копировал, но «вбирал» в себя лучшие достижения мировой культуры, создавая новые смыслы, формируя сверхтекстовый «петербургский миф».

Перейдем к мифологемам, основанным на вербализованных прецедентах:

1. «Ленинградский рок-клуб»:

1) «Едет в поезде паренек узкоглазый с гитарой, напротив сидит металлист – в коже, шипы, прикид – все при делах: – Зёма? – ты куда? А гитара нафиг? Неужто играть умеешь? – В Ленинград... – А на фига? – Хочу рок-группу создать и стать известным музыкантом. – В Ленинград, с гитарой и рок-группу

создать?! Не, ну ты корки мочишь – это просто Кино, какое-то!!!» [Анекдоты про Питер, www];

2) «БГ – не то, что Высоцкий. Напьется, бывало, Высоцкий и пишет: “Где был я вчера не найду днем с огнем, только помню, что стены с обоями”. БГ – интеллигент с похмелья пишет: “Я помню, было небо – я не помню, где...”» [Жилинский, www]

2. Мифологема «ленинградская (питерская) погода»: «Сочи. Огромный пляж, толпы загорелых спортивных людей... и среди них выделяется такой худенький бледно-синий мальчик. Его спрашивают: Мальчик, а ты откуда? – Я, дяденька, из Питера. – А чего такой нездоровый? У вас там что, лета в этом году не было? – Да не. Лето-то у нас было, только я в тот день болел...» [Анекдоты про Питер, www]

3. Мифологема «культурная столица»: «Петербург настолько культурный город, что даже чайки, пролетая над ним, не гадят ... терпят»; «Питер настолько культурный город, что там даже старушки в общественном транспорте сверяют паспортные данные, и младшая уступает место» [Анекдоты про Питер, www].

4. Мифологема «сосули»:

1) «Хорошо, что не построили “Охта-центр” в Питере! – Почему? – Я не представляю, какие бы были сосульки на нем!!!»;

2) «В Интернете продолжают обсуждать предложение питерского губернатора Валентины Матвиенко «срезать сосули лазером»³.

5. Кроме «питерских анекдотов» появились анекдоты «про питерских»: «Муж – жене: – Я на выходные еду в Питер покупать хомячка. – Зачем нам хомячок? – Вот ты не понимаешь! Сейчас важно, чтобы в каждой семье был кто-то питерский!»

6. Прецедентные петербургские тексты новейшего времени – «Жемчужный прапорщик», «Ну, что, хорьки»:

1) «Действия милиционера с погонями прапорщика и жемчужным браслетом, который обзывал митингующих “хорьками”, были сняты на видео очевидцами разгона несанкционированной акции оппозиции у Гостиного двора на

3 Сосулям Валентины Матвиенко даже посвятили стихи.

Невском проспекте и широко обсуждались в российской блогосфере» [«Жемчужный» прапорщик получил условный срок, 2011, www];

2) «“Человек Хорек! Это – великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век Хо-рек! Надо уважать хорька!” (Проект поправок к пьесе “На дне” М. Горького). Российское движение сопротивления авторитаризму должно быть благодарно дикому ооновскому прапору за введение в речевой оборот нового и яркого символа оппозиции – бесстрашного хорька. История знает примеры, когда презрительное уничижительное прозвище становилось гордым званием бойцов. Вспомним легендарных партизан в период Нидерландской революции 16 века. Власть, пытаясь унижить, назвала их гезами (нищими), но они приняли это имя, прославили его и победили» [Хорек – это..., 2010, www];

3) «Привет питерским хорькам от московских хомячков!» (речь Артемия Троицкого на митинге 11 декабря в Санкт-Петербурге на Пионерской площади)⁴. В данной ситуации мы наблюдаем сакрализацию профанного прецедентного имени «хорек» как символа оппозиции.

Выбор прецедентов не является случайным, так как одна из коммуникативных реакций – культурный шок (первоначальная реакция группового или индивидуального сознания на столкновение с инокультурной реальностью) – рассматривается нами не только в этнокультурном понимании, но и в разнообразии современной социально-культурной коммуникации, так как становится катализатором псевдокоммуникации человека обыденно-потребительского (профанного) культурного типа. В игро-поведенческой культуре постмодерна именно ориентация на шокирование собеседника, выведение его из эмоционально-психического равновесия становится одним из способов достижения целей псевдокоммуникации. Сакральное и профанное (М. Элиаде) – это ценностные ориентиры социального бытия, которые, «воплощаясь и трансформируясь в различных культурных мировоззренческих формах: мифе – религии – идеологии ... обнаруживают свою аксиологическую амбивалентность» [Федоровских, 2000, 9]. В современной культуре заметны тенденции массовизации и тривиа-

4 Привет питерским хорькам от московских хомячков!» – Речь Артемия Троицкого на митинге 11 декабря в Санкт-Петербурге на Пионерской площади. URL: http://piter.tv/video_clip/7593 (дата обращения: 20.07.2015).

лизации, при этом повседневность, обыденность, мирское, преходящее становится единственной реальностью, их ценность определяет весь строй человеческой жизни. По мнению исследователей, в современном мифе «синкретичность связана с отказом от сокрытых, трансцендентных святынь, с превалированием профанного. Профанное занимает место сакрального в качестве высшей социальной ценности и становится аксиологической доминантой» [Там же].

Поскольку профанное происходит из сферы индивидуального опыта, неопределенность, порождаемая культурным взрывом-разрушением, вызывает сильнейшие противоположные эмоции страха, гнева и отвращения до смеха (в нашем случае – прецедентов в форме ерничества и анекдотов). Эти сверхсильные эмоции, неведомые опыту буднично-обыденной жизни, ведут к возникновению нового сакрального порядка. Механизмами перехода от профанного (индивидуального, обыденного) к сакральному (коллективным ценностям, священному) в культуре названы: 1) инициация (от лат. *initiatio* – «совершение таинств», «посвящение») – архетипический процесс перехода личности от детства к взрослому состоянию через определенные обряды; 2) иерофания (от греч. «священный» + греч. «светоч, свет») – поиск проявлений священного (в частности, появление мифологемы «ленинградский рок-клуб», вероятно, происходит как иерофания в форме идолопоклонства).

Таким образом, мы наблюдаем, что новые культурные смыслы и отношения возникают на периферии традиционных структур. Сакральное проявляет себя в драматических событиях социальной жизни, отмеченных «высокой эмоциональной вовлеченностью», а «символические границы, отделяющие сакральное от профанного, чаще всего проявляют себя в случае их нарушения» [Куракин, 2011, 65]. По мнению М. Столяр, иерофания – это «не только проявление сакрального в профанном, но и определенная энергия, без которой не может воспроизводиться в культуре ни один ее артефакт, будь то идеологема, феномен морали или права, художественное произведение или фигура народной смеховой культуры» [Столяр, 2011, www].

Вырождение в анекдот мифологемы «культурная столица» вызывает раздражение у части гуманитарной интеллигенции, но факт десакрализации отражает традиции народной смеховой культуры. Смех как универсалия человеческой

природы и сложный семиотический механизм (В. Пропп, М. Бахтин, А. Панченко, С. Аверинцев) обладает как созидательной, так и разрушительной силой, основанной на преодолении запретов: «Смеялись в России всегда много, но смеяться в ней всегда более или менее “нельзя” – не только в силу некоего внешнего запрета со стороны того или иного начальства или же общественного мнения, но прежде всего в силу того, что, положив руку на сердце, чувствует сам смеющийся. Любое разрешение, любое “можно”, касающееся смеха, остается для русского сознания не вполне убедительным. Смеяться, собственно, – нельзя; но не смеяться – сил никаких нет» [Аверинцев, 1993, www]. Для России «уникальна лишь энергия, с которой сам язык связывает “смех” и “грех”» (С. Аверинцев), а анти-тезой смеха, по мнению Л. В. Карасева, является не плач, но стыд, а в человеке несвободном способность к смеху и стыду деформируются [Карасев, 2013].

Заключение

В прецедент-технологии не может быть отрицательного результата, так как конфликт мнений и оценок есть катализатор дальнейшей образовательной коммуникации. Каждый коммуникант имеет право на собственное, особое мнение, но выразить его должен в рамках правового поля, проявляя уважение к собеседнику, оппоненту, аудитории, закону. Дискуссия актуализирует скрытые внутренние противоречия, информационные дефициты, нравственные дилеммы, ценностные лакуны и потенциалы, перспективы саморазвития личности студента. Именно в таких ситуациях проявляется профессиональная компетентность преподавателя, его эмоциональная устойчивость, соучастие и диалогизм, признание права собеседника (студента) на психологический инфантилизм. При обращении к прецедентам важно помнить об их правовой оценке (соблюдение закона о защите чести и достоинства личности, закона о клевете, закона о противодействии экстремизму и пр.).

В заключение обратимся к размышлениям В.С. Библера, развившего далее идеи диалогизма в культурогенезе: «Бахтин шаг за шагом раскрывает (и сам раскрывается в...) реальные, бытийные, в разночинном перенапряжении чувств, или в предсмертной исповеди возникающие – узелки, элементарные

сдвиги гуманитарного мышления (в его началах): сознание и самосознание; понимание и взаимопонимание; идеи и анти-идеи каждого человека, в той мере, в какой он живет в культуре (а не просто рассуждает о ней) в той мере, в какой он ее – культуру – создает... Будь это сознание поэта или сознание разночинца в петербургском промозглом дворе...» [Библер, 1991, www]. В современном дискурсе ожидаются новые прецеденты на основе концепта «петербургский».

На наш взгляд, учебные прецеденты – это средства культурной идентичности, топосы и концепты культурной памяти как с положительной (подвиг, жертвенность, патриотизм, духовные скрепы), так и отрицательной (преступление, пошлость, безнравственность, предательство) модальностью, актуализирующие внутренний (духовно-нравственный) конфликт как средство саморазвития и самосозидания жизнеспособной личности.

В целом педагогическое проектирование образовательного процесса с использованием прецедент-технологии, направленное на формирование коммуникативной компетенции будущего специалиста в любой профессиональной деятельности, обеспечит требуемое качество высшего образования.

Библиография

1. Аверинцев С.С. Бахтинское и русское отношение к смеху // Русский филологический портал. URL: <http://www.philology.ru/literature1/averintsev-93.htm> (дата обращения: 17.08.2015).
2. Анекдоты про Питер // Форум Санкт-Петербурга. URL: <http://www.ifoxy.ru/viewtopic.php?t=1728> (дата обращения: 19.07.2015).
3. Артюхович Ю.В. Ценностный смысл инженерного образования // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 1-2. С. 9-23.
4. Баранец В. Васильева спела о красных тапочках Сердюкова // Комсомольская правда. URL: <http://www.kp.ru/daily/26294.5/3172321> (дата обращения: 24.06.2015).
5. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или поэтика культуры (На путях к гуманитарному разуму) // POETICA. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bibler_dial.htm (дата обращения: 09.08.2015).

6. Бычков В.В. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века // Академик. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1154 (дата обращения: 18.04.2015).
7. Высоцкая И.В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 117-137.
8. Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 11. С. 40-46.
9. «Жемчужный» прапорщик получил условный срок // The BBC. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/12/111226_st_pete_sentence.shtml (дата обращения: 11.08.2015).
10. Жилинский Е.М. Истории Сайгона // Онлайн библиотека. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/203671p.html> (дата обращения: 28.08.2015).
11. Захаренко И.В. и др. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82-103.
12. Иванова Г.А. Коммуникативно-гуманитарный подход в моделировании образовательного процесса в гуманитарном вузе // Педагогический журнал. 2012. № 2-3. С. 8-22.
13. Иванова Г.А. Кризис идентичности как следствие «отчуждения в культуре» и педагогические условия его преодоления в учебной коммуникации в гуманитарном вузе // Инновации в образовании. 2014. № 6. С. 124-137.
14. Карасев Л.В. Антитеза смеха и стыда и русская несвобода // Инструментализация смеха в российской истории XX века: сб. статей. Челябинск: Каменный пояс, 2013. С. 18-26.
15. Кочкин М.Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 184 с.
16. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
17. Куракин Д. Ускользящее сакральное: проблема амбивалентности сакрального и ее значение для «сильной программы» культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2011. № 10 (3). С. 41-70.

18. Лисина Е.А. НОМО RITUALIS. Миф, история, современность. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2011. 282 с.
19. Синдаловский Н. Античное совершенство питерской фразеологии // Журнальный зал. URL: magazines.russ.ru/neva/2012/1/s20.html (дата обращения: 11.04.2015).
20. Словарь иностранных слов русского языка // Академик. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwds/ (дата обращения: 25.04.2015).
21. Смазнова О.Ф. Диалектика социального мифотворчества // Актуальные проблемы современности сквозь призму философии. URL: <http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/seminar/Smaznova.pdf> (дата обращения: 10.03.2015).
22. Столяр М. Советская смеховая культура // Киевское Религиозно-философское общество. URL: <http://www.kievrf.org.ua/index.php/2011-12-21-23-47-57/2012-01-11-14-51-04/112-2012-02-01-23-32-46> (дата обращения: 10.07.2015).
23. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // РОЕТИКА. URL: http://philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm (дата обращения: 10.08.2015).
24. Федоровских А.А. Трансформация сакрального и профанного в обществе: миф – религия – идеология: автореф. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2000. 20 с.
25. Финансовый словарь // Академик. URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/fin_enc/ (дата обращения: 25.04.2015).
26. Хожателева Ю. Михалков: «Из таких “Собчачек” вырастают Землячки, а Макаревич – жертва того, что его никогда не били» // Комсомольская правда. URL: <http://www.kp.ru/daily/26294.7/3171686/> (дата обращения: 17.06.2015).
27. Хорек – это звучит гордо! // LiveJournal. URL: <http://vitaliy-tikho.livejournal.com/15810.html> (дата обращения: 04.06.2015).
28. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса // disserCat. URL: <http://www.dissercat.com/content/semiotika-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 18.05.2015).

**Educational "precedent technology"
(as exemplified by the topos "Petersburg"
in contemporary sociocultural discourse)**

Galina A. Ivanova

PhD in Pedagogy, associate professor,
Department of humanities and social and economic sciences,
St. Petersburg Institute (branch),
All-Russian State University of Justice,
199178, 19A the 10th line, Vasilievsky island, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: ga_iv@mail.ru

Abstract

The article deals with the so-called precedent technology that is considered to be a communicative educational technology used in higher education with a view to taking into account students' personal needs and sociocultural demands on the basis of precedents. The article aims to study precedent phenomena (in particular, ones that contain the attributive nouns "St. Petersburg", "Leningrad", "St. Pete") as a linguoculturological basis for the formation of the communicative competence in students with the help of the precedent technology on the basis of the analysis of contemporary St. Petersburg sociocultural discourse. The author of the article points out that the precedent technology is based on the following: 1) using a situation (precedent) as a means of actualization and revelation of a spiritual and moral conflict occurring in the self-defining personality of a student; 2) provoking ethical reflection as a means of resolving the internal (spiritual and moral) conflict occurring in a student's personality; 3) comparing one's own viewpoint with the sociocultural tradition and identifying oneself as a cultural hero; 4) moral and legal assessment of the precedent as an indicator for socialization and professional proficiency of students, i.e. their resistance to destructive phenomena.

Keywords

Precedent technology, precedent, ethical dilemma, interactive communication, sociocultural discourse, the profane, the sacred.

For citation

Ivanova G.A. (2015) Pedagogicheskaya "pretsedent-tehnologiya" (na primere toposa "Peterburg" v sovremennom sotsial'no-kul'turnom diskurse) [Educational "precedent technology" (as exemplified by the topos "Petersburg" in contemporary sociocultural discourse)]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 4-5, pp. 30-50.

References

1. Anekdoty pro Piter [Jokes about St. Pete]. *Forum Sankt-Peterburga* [St. Petersburg forum]. Available from: <http://www.ifoxy.ru/viewtopic.php?t=1728> [Accessed 19/07/15].
2. Artyukhovich Yu.V. (2015) Tsennostnyi smysl inzhenerenogo obrazovaniya [Axiological meaning of engineering education]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 1-2, pp. 9-23.
3. Averintsev S.S. (1993) Bakhtinskoe i russkoe otnoshenie k smekhu [Bakhtin's and Russian people's attitude to laughter]. *Russkii filologicheskii portal* [Russian philological portal]. Available from: <http://www.philology.ru/literature1/averintsev-93.htm> [Accessed 17/08/15].
4. Baranets V. (2014) Vasil'eva spela o krasnykh tapochkakh Serdyukova [Vasilyeva sang a song about Serdyukov's red slippers]. *Komsomol'skaya pravda* [Komsomol truth]. Available from: <http://www.kp.ru/daily/26294.5/3172321> [Accessed 24/06/15].
5. Bibler V.S. (1991) Mikhail Mikhailovich Bakhtin, ili poetika kul'tury (Na putyakh k gumanitarnomu razumu) [Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or poetics of culture (On the way to humanistic reason)]. *POETICA*. Available from: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bibler_dial.htm [Accessed 09/08/15].
6. Bychkov V.V. Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka [The lexicon of non-classics. The artistic and aesthetic culture of the 20th century]. *Akademik* [Academician]. Available from: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_culture/1154 [Accessed 18/04/15].

7. Fedorovskikh A.A. (2000) *Transformatsiya sakral'nogo i profannogo v obshchestve: mif – religiya – ideologiya. Avtoref. dokt. diss.* [Transformation of the sacred and profane in society: myth – religion – ideology. Doct. diss. abstract]. Ekaterinburg.
8. Finansovyi slovar' [Financial dictionary]. *Akademik* [Academician]. Available from: http://dic.academic.ru/contents.nsf/fin_enc/ [Accessed 25/04/15].
9. Gudkov D.B. (2000) Pretsedentnaya situatsiya i sposoby ee aktualizatsii [Precedent situations and ways of their actualization]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. statei* [Language, consciousness, communication: collected articles], 11, pp. 40-46.
10. Ivanova G.A. (2012) Kommunikativno-gumanitarnyi podkhod v modelirovanii obrazovatel'nogo protsessa v gumanitarnom vuze [The communicative humanistic approach in the modelling the educational process in a university of humanities]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 2-3, pp. 8-22.
11. Ivanova G.A. (2014) Krizis identichnosti kak sledstvie "otchuzhdeniya v kul'ture" i pedagogicheskie usloviya ego preodoleniya v uchebnoi kommunikatsii v gumanitarnom vuze [An identity crisis as a result of "cultural alienation" and pedagogical conditions for its overcoming in educational communication in a university of humanities]. *Innovatsii v obrazovanii* [Innovation in education], 6, pp. 124-137.
12. Karasev L.V. (2013) Antiteza smekha i styda i russkaya nesvoboda [The antithesis of laughter and shame and Russian unfreedom]. In: *Instrumentalizatsiya smekha v rossiiskoi istorii XX veka: sb. statei* [Laughter instrumentalization in the Russian history of the 20th century: collected articles]. Chelyabinsk: Kamennyi poyas Publ., pp. 18-26.
13. Khorek – eto zvuchit gordo! [Ferret – this sounds good!] *LiveJournal*. Available from: <http://vitaliy-tikho.livejournal.com/15810.html> [Accessed 04/06/15].
14. Khozhateleva Yu. (2014) Mikhalkov: "Iz takikh "Sobchachek" vyrastayut Zemlyachki, a Makarevich – zhertva togo, chto ego nikogda ne bili" [Mikhalkov: "Zemlyachkas grow out of such "Sobchakasters", and Makarevich is a victim of the fact that he had never been beaten"]. *Komsomol'skaya pravda* [Komsomol truth]. Available from: <http://www.kp.ru/daily/26294.7/3171686/> [Accessed 17/06/15].

15. Kochkin M.Yu. (2003) *Politicheskii skandal kak lingvokul'turnyi fenomen. Dokt. diss.* [A political scandal as a linguoculturological phenomenon. Doct. diss.]. Volgograd.
16. Krasnykh V.V. (2003) *"Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'?* ["At home" among "strangers": a myth or reality?] Moscow: Gnozis Publ.
17. Kurakin D. (2011) Uskol'zayushchee sakral'noe: problema ambivalentnosti sakral'nogo i ee znachenie dlya "sil'noi programmy" kul'tursotsiologii [The eluding sacred: the problem of ambivalence of the sacred and its importance for the "strong program" of cultural sociology]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The sociological review], 10 (3), pp. 41-70.
18. Lisina E.A. (2011) *HOMO RITUALIS. Mif, istoriya, sovremennost'* [HOMO RITUALIS. Myth, history, modernity]. Noginsk: ANALITIKA RODIS Publ.
19. Sheigal E.I. (2000) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. *dissertationCat*. Available from: <http://www.dissertationCat.com/content/semiotika-politicheskogo-diskursa> [Accessed 18/05/15].
20. Sindalovskii N. Antichnoe sovershenstvo piterskoi frazeologii [The antique perfection of St. Pete's phraseology]. *Zhurnal'nyi zal* [Journal room]. Available from: magazines.russ.ru/neva/2012/1/s20.html [Accessed 11/04/15].
21. Slovar' inostrannykh slov russkogo yazyka [Dictionary of foreign words in the Russian language]. *Akademik* [Academician]. Available from: http://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_fwwords/ [Accessed 25/04/15].
22. Smaznova O.F. Dialektika sotsial'nogo mifotvorchestva [Dialectics of social myth-making]. *Aktual'nye problemy sovremennosti skvoz' prizmu filosofii* [Urgent issues of modernity through the prism of philosophy]. Available from: <http://www.mion.novsu.ac.ru/gev/projects/seminar/Smaznova.pdf> [Accessed 10/03/15].
23. Stolyar M. (2011) Sovetskaya smekhovaya kul'tura [Soviet laughter culture]. *Kievskoe Religiozno-filosofskoe obshchestvo* [Kyiv Religious and philosophical society]. Available from: <http://www.kievrfo.org.ua/index.php/2011-12-21-23-47-57/2012-01-11-14-51-04/112-2012-02-01-23-32-46> [Accessed 10/07/15].
24. Toporov V.N. Peterburg i "Peterburgskii tekst russkoi literatury" (Vvedenie v temu) [St. Petersburg and the "St. Petersburg text of Russian literature" (An in-

- roduction to the theme)]. *POETICA*. Available from: http://philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm [Accessed 10/08/15].
25. Vysotskaya I.V. (2013) Spornye voprosy teorii pretsedentnosti [Disputable issues of the theory of precedent]. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 1 (18), pp. 117-137.
 26. Zakharenko I.V. et al. (1997) Pretsedentnoe vyskazyvanie i pretsedentnoe imya kak simvoly pretsedentnykh fenomenov [Precedent utterances and precedent names as symbols of precedent phenomena]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. statei* [Language, consciousness, communication: collected articles], 1, pp. 82-103.
 27. "Zhemchuzhnyi" praporshchik poluchil uslovnyi srok [The "pearl" warrant officer received a suspended sentence] (2011). *The BBC*. Available from: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/12/111226_st_pete_sentence.shtml [Accessed 11/08/15].
 28. Zhilinskii E.M. Istorii Saigona [Saigon stories]. *Onlain biblioteka RIN.RU* [The online library RIN.RU]. Available from: <http://lib.rin.ru/doc/i/203671p.html> [Accessed 28/08/15].